МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 51

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011

разделения. А чтобы не провоцировать попадание сотрудников Следственного комитета в процессуальные ловушки, необходимо исключить из ст. 7 Федерального закона нормы, выдающие за процессуальные такие действия, которые таковыми не являются, но затрагивают конституционные права граждан.

ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА ДАЧУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ – СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ?

О.И. Андреева

Обвиняемый в уголовном судопроизводстве имеет право на защиту, имеет право защищаться всеми средствами и способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ, ст. 16, 47 УПК РФ). Обвиняемый, реализуя это право, правомочен самостоятельно выбирать тактику защиты. При этом закон прямо не разрешает, но в то же время и не запрещает обвиняемому давать заведомо ложные показания. Обвиняемый в соответствии с действующим законодательством не несет ответственности за дачу заведомо ложных показаний, в отличие от лица, потерпевшего от совершенного преступления, или свидетеля.

Между тем появляется все больше научных исследований, посвященных противодействию предварительному расследованию, в том числе путем дачи заведомо ложных показаний со стороны обвиняемого (подозреваемого), и путям его преодоления[1]. В монографии С.А. Новикова «Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом» приводятся результаты исследования Э.У. Бабаевой, где отмечается, что обвиняемые, противодействуя предварительному расследованию, при производстве по уголовному делу отказывались от первоначальных показаний, в которых ранее признавали свою вину (98%); изменяли показания (97%), давали ложные (29,5%), частично правдивые показания (95%), оговаривали иных лиц (около 70%), отмечен и добровольный (29,5%) или вынужденный (21%) самооговор. В то же время сам С.А. Новиков приводит следующие данные: из 684 до-

---

[1] См., напр.: *Сапожников А.И., Шевченко В.М.* Ухищренное поведение подозреваемых (обвиняемых) как разновидность противодействия расследованию // Российский следователь. 2008. № 2. С. 36-39; *Мазутин Я.* Уголовная ответственность подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) за заведомо ложные показания // Уголовное право. 2004. № 3. С. 47-49; и др.

прошенных по изученным делам обвиняемых 30,7% давали ложные показания; 8,9% оговаривали при этом заведомо невиновных лиц[1].

При этом проведенное нами интервьюирование показывает, что практически 100% опрошенных адвокатов и только более половины следователей полагают, что обвиняемый, защищаясь, имеет право на ложь.

Как следствие в литературе выделяются три позиции относительно дачи обвиняемым заведомо ложных показаний. Сторонники первой позиции[2] предлагают законодательно закрепить за обвиняемым право на ложь, если она является способом защиты от предъявленного обвинения, которое грозит ему неблагоприятными последствиями, рассматривая при этом ложь как субъективное право обвиняемого. Вторая позиция не столь однозначная. Её сторонники[3] обращают внимание на то, что, с одной стороны, ложь обвиняемого – это способ его защиты, с другой – ложь, являясь правонарушением, представляет опасность как для интересов правосудия, так и для интересов отдельных граждан. При этом акцентируется внимание на том, что право на защиту не беспредельно и полежит ограничению для защиты прав и свобод других лиц. Например, Ф.Н. Багаутдинов отстаивает точку зрения, согласно которой действия обвиняемого (подозреваемого), сообщившего правоохранительным органам заведомо ложную информацию о виновности другого лица в совершении инкриминируемого преступления, должны подлежать уголовной ответственности[4]. Есть и третья точка зрения, в соответствии с которой дача обвиняемым заведомо ложных показаний, в результате которых причиняется вред правам и законным интересам других лиц, является формой злоупотребления правом[5].

Если обратиться к законодательству зарубежных стран, можно отметить, что и там подход к оценке дачи обвиняемым заведомо ложных

---

[1] См.: *Новиков А.С.* Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 214.

[2] См., напр.: *Куссмауль Р.* Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 34; *Коробеев А.И., Кулешов Ю.И.* Лжесвидетельство: наболевшие проблемы правовой ответственности // Российский судья. 2005. № 7. С. 17-22; и др.

[3] См.: *Нафиев С., Васин А.* Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4; *Лосик Р.В.* О некоторых вопросах правовой регламентации института потерпевшего в УПК РФ // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 6; *Касаткина С.А.* Признание обвиняемого. М.: Проспект, 2010.

[4] См.: *Багаутдинов Ф.Н.* Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 445. Схожей позиции придерживается Я. Мазутин. См.: *Мазутин Я.* Уголовная ответственность подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) за заведомо ложные показания // Уголовное право. 2004. № 3. С. 47-49;

[5] См., напр.: *Кузьмина О.В., Сосновиков А.Б.* Процессуальное положение обвиняемого в суде первой инстанции и состязательность судопроизводства // Адвокатская практика. 2003. № 3. С. 22-24.

показаний различный. По данным Н.Г. Стойко, Г.А. Никитина, в США каждый участник присягает на библии, как следствие действует общее правило, что если гражданин начинает говорить, то он обязан говорить правду[1]. В то же время в Германии, как указывает В. Бойльке, законодательно установлен запрет на приведение к присяге лица, которое подозревается в совершении деяния, составляющего предмет расследования. В современном германском процессе ложь обвиняемого лица не наказуема, если только в его деяниях не усматривается составов преступлений, предусмотренных в параграфах 145 (симуляция наказуемого деяния), 164d (навлечение ложного подозрения), 185ff (оскорбление)[2].

Чтобы ответить на вопрос, является ли право обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний его субъективным правом или же формой злоупотребления правом, необходимо разобраться, что представляют собой эти правовые феномены.

В теории права понятие «субъективное право» в основном трактуется как мера возможного поведения, предоставленная уполномоченному лицу для защиты, удовлетворения конкретных потребностей (интересов), обеспеченная обязанностью других лиц и признанная, гарантируемая государством[3]. Несмотря на то, что субъективное право – это не абсолютная свобода, а возможность, которая имеет определенные границы, следует признать, что осуществление субъектом прав объективно способно нарушить права и законные интересы других лиц. Реализуя субъективное право, субъект свободен не только в выборе самого права, но и в определении способа его осуществления. Казалось бы, отсюда следует, что ничем не ограниченное право на дачу обвиняемым заведомо ложных показаний является его субъективным правом. Между тем именно ничем не ограниченная свобода усмотрения управомоченного лица при реализации субъективного права обусловливает возможность злоупотребления правом.

Необходимо отметить, что в юридической науке до сих пор не сформулировано общепризнанное определение понятия «злоупотребление субъективным правом». Вместе с тем выделены основные признаки, характеризующие злоупотребление правом как правовое явление. К ним относятся причинение субъектом в процессе осуществления субъективного права вреда другим участникам общественных отношений, в также осуществление конкретного субъективного права в противоречии с его

---

[1] См.: *Стойко Н.Г., Никитин Г.А.* Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2006. С. 61-62.

[2] *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ: учеб. / под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 86.

[3] См., напр.: *Хохлова Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 19-20.

назначением[1]. Отмечается, что злоупотребление правом предполагает умышленное использование прав или правовых средств в противовес их социальному назначению или с целью создать объективные препятствия для реализации прав другими участниками процесса с возможным наступлением последствий при отсутствии нарушения конкретных юридических запретов или обязанностей. Злоупотребление связано не с содержанием права, а с его осуществлением. При злоупотреблении правом не происходит нарушения конкретных предписаний закона, вместе с тем всякое злоупотребление правом является противоправным действием (бездействием), поскольку в результате злоупотребления правом нарушается принцип недопустимости злоупотребления правом, нашедший закрепление в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

Необходимо отметить, что неверно отрывать действие права как от потребностей и интересов людей, так и от сферы, отрасли, на которую воздействует право. Как уже отмечалось, уголовный процесс носит отчетливо выраженный конфликтный характер. Расследование преступлений зачастую происходит в обстановке столкновения противоположных интересов. Отсюда возможно противодействие со стороны участников уголовного процесса осуществлению предварительного расследования, злоупотребление принадлежащими им правами. Что касается частных лиц – участников уголовного судопроизводства, полагаем, что в уголовном судопроизводстве одинаково опасны как произвол органов власти и должностных лиц, так и вседозволенность личности в ее понимании свободы и реализации прав.

В уголовном процессе, как правило, личность действует исходя из собственных интересов, которые не всегда согласуются не только с интересами другой личности, но и с общественными или государственными интересами, а иногда и против своих интересов. В то же время нарушения прав и законных интересов в уголовно-процессуальных отношениях имеют значимые последствия. Как следствие свобода человека в выборе вариантов поведения в уголовном судопроизводстве, в осуществлении прав должна быть ограничена государством: исключать возможность не только противоправного поведения, но и злоупотребления правом. Очевидно, что запретить в законе все действия личности и поведение, которые бы содержали опасность нарушения прав других участников уголовного судопроизводства, общества и государства, достаточно затруднительно. Поэтому безоговорочное установление в уголовном судопроизводстве в отношении личности дозволительных методов правового регулирования, на наш взгляд, не согласуется с

---

[1] *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10-11.

природой уголовно-процессуальных отношений. Право свободного выбора поведения участника уголовного судопроизводства должно быть заключено в определенные границы, пределы, в рамках которых его господство безусловно.

Рассматривая вопрос о необходимости ограничения возможности обвиняемого давать в ходе уголовного судопроизводства заведомо ложные показания, необходимо учесть, что применение ограничения должно быть абсолютно необходимым, неизбежным и строго соразмерным достижению целей. Раскрывая содержание принципа соразмерности ограничения прав, А.В. Должиков выделил три составляющих его элемента: 1) пригодность, которая означает проверку принципиальной возможности достижения средством желаемой цели; 2) минимальность, предполагающая наличие и выбор альтернативных средств, которые менее обременительны для основных прав; 3) сбалансированность, направленная на взвешивание конфликтующих индивидуальных и публичных ценностей по их важности и значению в конституционной системе[1].

Процессуальные возможности, которыми наделена личность в уголовном судопроизводстве, свобода ее поведения должны обеспечивать активность ее деятельности как участника уголовного судопроизводства и в то же время не позволять причинять вред другим. Причем чем шире границы свободы поведения участников уголовного судопроизводства, чем больше возможностей выбора, тем выше должна быть социальная активность личности и ее ответственность перед обществом и другими участниками уголовного судопроизводства.

Отсюда следует, что ложные показания обвиняемого, являясь в том числе средством защиты, в частности оговор заведомо для обвиняемого невиновного лица, будь то соучастник совершенного преступления, потерпевший или свидетель, являясь злоупотреблением права, должны быть социально неодобряемым поведением.

На необходимость ограничения средств защиты обратил внимание и Европейский суд по правам человека (дело Брандстетер против Австрии, 1991 г.), отметив, что «было бы преувеличением полагать, что исходной посылкой права лиц, обвиняемых в совершении преступления, защищать себя является идея о том, что они не должны подвергаться преследованию, когда, осуществляя это право, они умышленно вызы-

---

[1] См.: *Должиков А.В.* Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 4-5. На обозначенные элементы указывает в своих решениях и Европейский суд по правам человека. См.: *Европейский* суд по правам человека: Избранные решения: в 2 т. / под ред. В.А. Туманова. М.: НОРМА, 2000.

вают ложные подозрения в подлежащем наказанию поведении в отношении любого другого лица»[1].

Возникает вопрос, какой мере ответственности должен быть подвергнут обвиняемый, дающий заведомо ложные показания?

Представляется, что в случае оговора заведомо для обвиняемого невиновного лица он должен нести уголовную ответственность. При этом обвиняемый должен быть освобожден от уголовной ответственности, если оговор явился результатом принуждения его к тому со стороны органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование.

В остальных случаях, взвешивая конфликтующие ценности, необходимо отметить следующее. С одной стороны, дача обвиняемым заведомо ложных показаний получила широкое распространение, что влечет за собой негативные последствия, такие как затягивание уголовного судопроизводства, и как следствие увеличение государственных расходов; воспрепятствование своевременной защите прав лиц, пострадавших от преступления. С другой стороны, обеспечение защиты прав и интересов обвиняемого, вина которого еще только обсуждается, но который уже несет бремя негативных последствий наделения его этим процессуальным статусом, он защищается от предъявленного обвинения, которое грозит ему еще более неблагоприятными последствиями. В этой связи, признавая дачу обвиняемым заведомо ложных показаний злоупотреблением правом, констатируя, что обвиняемый не обязан помогать государственным органам, не стоит возлагать на него обязанность, если он желает дать показания, давать правдивые показания в отношении себя самого и своей роли в совершении преступления.

О СОВРЕМЕННОМ СОДЕРЖАНИИ ПРОКУРОРСКОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА ДОСУДЕБНЫХ ЭТАПАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О.В. Воронин

Традиционно при определении содержания уголовного преследования как отдельного направления прокурорской деятельности возникают две основные проблемы. Первая заключается в уточнении места уголовного преследования среди прочих функций отечественной прокуратуры, вторая – в установлении конкретного содержания современного прокурорского уголовного преследования.

---

[1] *Нафиев С., Васин А.* Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».